

УДК 17.01

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-1-31-41

Этическая рефлексия в философии сложности

В. И. Кудашов¹, **А. В. Думов**²

¹ *Красноярский государственный медицинский университет*

им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого

Красноярск, Россия

² *Сибирский федеральный университет*

Красноярск, Россия

Аннотация

Рассматривается содержание этических концепций, развиваемых в рамках философского осмысления сложности, представленное в работах таких зарубежных исследователей, как П. Сильерс и М. Верманн. Анализируется совокупность воззрений на онтологию этического сознания личности и этического действия, лежащая в основе концепции условного императива (provisional imperative), развиваемой представителями стелленбосской школы философии сложности. Авторы выявляют основные теоретические принципы этики сложности и делают выводы о содержательной специфике данного направления современной этической мысли.

Ключевые слова

условный императив, сложность, этика, философия сложности, этический релятивизм, онтология процесса

Для цитирования

Кудашов В. И., Думов А. В. Этическая рефлексия в философии сложности // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 1. С. 31–41. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-1-31-41

Ethical Reflection in Philosophy of Complexity

V. I. Kudashov¹, **A. V. Dumov**²

¹ *Krasnoyarsk State Medical University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

² *Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

The article examines the content of ethical concepts in the framework of the philosophical understanding of complexity, presented in the works of such foreign researchers as P. Cilliers, and M. Woermann. The article analyzes the set of views on the ontology of the personal ethical consciousness and ethical action, which underlies the concept of a provisional imperative developed by representatives of the Stellenbosch

© В. И. Кудашов, А. В. Думов, 2021

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2021, vol. 19, no. 1

school of philosophy of complexity. The authors identify the basic theoretical principles of the ethics of complexity and conclude about the content specificity of this direction of modern ethical thought.

Keywords

provisional imperative, complexity, ethics, philosophy of complexity, trust, ethic relativism, ontology of process

For citation

Kudashov V. I., Dumov A. V. Ethical Reflection in Philosophy of Complexity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 31–41. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-1-31-41

Для современной философской рефлексии сложности характерно не только обращение к онтологическим и теоретико-познавательным вопросам, связанным с обсуждением философского содержания понятия сложности и методологических возможностей исследования сложных систем. Одним из векторов развития этого направления философского поиска является сложностная этика, или этика сложности. В англоязычной литературе данная проблематика представлена в работах профессора Стелленбосского университета (ЮАР) П. Сильерса, а также его учеников и последователей. Среди последних необходимо выделить М. Верманн, которая продолжила начатое П. Сильерсом в работе «Сложность и постмодернизм: понимание сложных систем» [Cilliers, 1998] обоснование собственно философского концепта сложности и осмысление возможностей применения средств философии постструктурализма для его создания и развития.

Одним из ключевых источников содержания для построения рассуждений о сложности, в том числе и об этических следствиях философского концепта сложности, для представителей стелленбосской школы служат идеи и положения французского философа Э. Морена, изложенные в первом томе его основного труда «Метод» [2013] и работе «On Complexity», известной русскоязычному читателю в переводе Я. И. Свирского под наименованием «О сложности» [2019].

Сложностная этика конституируется представителями стелленбосской школы сообразно содержанию созданного ими философского концепта сложности и принципам аксиологии сложности. Первый вопрос настоящего рассмотрения состоит в том, каким образом интерпретируется содержание понятия сложности данной группой исследователей. Выявление содержания понятия сложности в его использовании является крайне необходимым не только ввиду его полисемантической, но и по причине того, что его собственно философское значение не является очевидным.

В первую очередь интерес представляет то обстоятельство, что представителями данного направления осуществляется разграничение научного и собственно философского способов понимания сложности. Например, М. Верманн характеризует философскую сложность как «мягкую», «критическую», тогда как для научно-

го понимания сложности характерна «жесткость», «ограниченность» [Woermann, 2016. P. 2]. В основании этого разграничения лежат целевые установки способов понимания.

Использование понятия сложности в научном дискурсе в большинстве случаев связано с указанием на конкретные структурные и организационные особенности исследуемой системы. В научном контексте понятие сложности является маркером нетривиальной задачи, решение которой трудоемко ввиду нестандартности и множественности используемых математических и конкретно-научных средств. Сложность представляет собой скорее вызов и насущную проблему для исследователя, чем предмет для отвлеченных спекуляций.

Отличие философского способа понимания сложности состоит в том, что его важнейшей целевой установкой является онтологизация сложности. Такой способ рассуждения о сложности в действительности нестандартен относительно контекстов обсуждения сложности в иных отраслях знания. В реализации этой цели в работах представителей стелленбосской школы присутствует содержательная двойственность, обсуждение причин и следствий которой в настоящем рассмотрении не представляется возможным. В частности, эта двойственность обнаруживается в дефиниции, введенной Т. Де Виллерс-Бота и П. Сильерсом: сложность определяется ими одновременно и как комбинация атрибутов системы, и как «функция нашего понимания системы» [de Villiers-Botha, Cilliers, 2010. P. 266].

Вопрос о том, насколько обосновано определение, основанное на обобщении этих содержательных аспектов, является открытым и может служить источником для дальнейшего исследования онтологического и эпистемического содержания понятия сложности, с учетом того, что к его разрешению авторы не обращаются. Существенной проблемой данного определения можно назвать невыявленность оснований для обобщения некой совокупности независимо существующих неотъемлемых свойств системы и специфических черт, возникающих в контексте ее исследования и понимания в едином понятии сложности. Иными словами, предпосылки и причины обобщения в понятии некоторых свойств реальности и особенностей опыта, переживаемого познающим актором, остаются за пределами осмысления содержания понятия сложности, предпринимаемого авторами.

М. Верманн полагает возможным признать сложность имманентным свойством реальности как таковой [Woermann, 2016. P. 15]. В таком случае закономерным становится вопрос о том, в чем же заключается данное свойство. В исследовании М. Верманн не содержится положений, которые указывали бы на то, что понятое таким образом свойство сложности не является обобщением фундаментальных характеристик систем, называемых сложными, представленных в работе П. Сильерса «Сложность и постмодернизм» [Cilliers, 1998. P. 3–5]. Выделяемый им

перечень характеристик может быть обобщен в создании онтологии сложной системы как сети многообразных взаимодействий элементов, развитие которой характеризуется как нелинейное. Следует отметить, что под нелинейностью в данном контексте (во избежание отождествления с математическим смыслом данного понятия) подразумевается невозможность построения универсальной завершенной модели развития: жизнедеятельность подобной системы представляет собой игру множества факторов, при этом граница между внутренними и внешними факторами, определяющими ход развития, становится нечеткой.

Переосмысление содержания понятия границы и ограничения также является важной составляющей философского подхода к сложности, развиваемого представителями стелленбосской школы. К проблеме сложностного понимания границы П. Сильерс обращается в нескольких работах, в частности в ранней статье «Границы, иерархии и сети в сложных системах» [Cilliers, 2001] и очерке «Различие, идентичность и сложность» [Cilliers, 2010]. В общем виде сложностное понимание границы предполагает ее рассмотрение как структурного ограничения, обуславливающего сохранение идентичности системы либо ее компонента, однако ввиду признания того, что система формируется в «игре взаимодействий» с жизненным миром, осуществляется необходимый отказ от «жесткого» понимания границы как черты, отделяющей систему от ее окружения. Переход к сложностному пониманию границ приводит к снятию бинарной оппозиции «внешнее – внутреннее» с последующим ее замещением с помощью многоуровневой градации факторов по характеру составляющих их влияние системных взаимодействий. Трансформация представлений о сущности границ оказала существенное влияние на становление концепции сложной идентичности и развитие сложностной этики.

Несмотря на отмеченные коллизии, связанные с содержанием предлагаемых определений сложности, формирование философской интерпретации сложности как всеобщего свойства и создание соответствующих онтологических и эпистемологических теорий предполагает и осмысление этического значения философского концепта сложности. Обусловлено это тем, что общество, рассматриваемое как на макросистемном уровне, так и на уровне его внутренних структур взаимодействия, а в максимальном приближении – на уровне межличностной коммуникации, является сложным исходя из тезиса М. Верманн о сложности как всеобщем свойстве. В этой связи вторым вопросом настоящего рассмотрения является вопрос о том, каковы концептуальные основания этики сложности. В чем состоит своеобразие интерпретации этики, данной представителями философии сложности? В первую очередь для понимания сущности сложностной этики необходимо учитывать те ценностные основания познавательной деятельности, которые утверждаются философией сложности.

В данном контексте существенный интерес представляют теоретические положения Э. Морена, посвятившего значительную часть своих исследований рассмотрению проблем ценностных оснований сложностного мировоззрения. Отправной точкой для формирования философии сложности Э. Морена является критика понимания гносеологического взаимодействия субъекта и объекта, основанного на его представлении в терминах бинарной оппозиции. Ввиду этого исходные формулировки аксиологических принципов философии сложности носят эпистемический характер. В первом томе труда «Метод» («Природа природы») Э. Морен формулирует совокупность ценностных принципов в контексте рассмотрения особенностей сложностного мышления.

Первоначально ценностные характеристики предлагаемой модели мышления определяются посредством рассмотрения того, каким не должно являться сложностное мышление. Морен утверждает необходимость отказа от идеализации (замещения сложной реальности ограниченным способом ее теоретического представления), нормализации (элиминации «странного» – того, что не вписывается в рамки моделей объяснения), рационализации (искусственного «упорядочивания», ограничивающего многообразие действительных детерминант развития явлений) [Морен, 2013. С. 44].

Из представленного описания ценностных параметров сложностного мышления можно вывести три ключевых ценностных принципа познания и деятельности, утверждаемых философией сложности: это принципы антиредуктивности, экологичности и рефлексивной самокритичности. Соответствующая новому пониманию сущности знания трансформация образа действия метафорически описывается Мореном в работе «О сложностности» как переход от действия, основанного на знании – фотографическом образе, к действию, основанному на знании-переводе, или знании-реконструкции [Морен, 2019. С. 226]. Развиваемый Э. Мореном подход изменяет сам ценностный статус знания, структурирующего деятельность. Из эпистемологического принципа философии сложности, устанавливающего имманентную ограниченность любого знания и необоснованность его претензии на завершенность, следует утверждаемая Э. Мореном необходимость замещения жестких программ действия гибкими адаптивными стратегиями.

Философская рефлексия ценностных ориентиров сложностного мировоззрения, осуществленная Э. Мореном, оказала существенное влияние на развитие этики сложности в работах представителей стелленбосской школы. Теоретическим ядром развиваемой ими этики является концепция условного императива (provisional imperative), которой определяется статус этики в системе философии сложности. Необходимость введения понятия условного императива обусловлена новациями философии сложности в области понимания онтологии этического

сознания. Процессуальное представление этического сознания предполагает его рассмотрение как конструирования идентичности в потоке изменений: об этическом сознании нельзя говорить как о данности, поскольку «Я» существует как повествование, ситуационно избранное из множества возможностей, доступных из мира опыта [de Villiers-Botha, Cilliers, 2010. P. 35].

Этическое сознание личности не рассматривается философией сложности как нечто завершенное, содержательно инвариантное, оно интерпретируется как процесс определения и конструирования себя, происходящий во взаимодействии личности и социальной среды. Определение и конструирование осуществляются как последовательность актов выбора в локальных контекстах взаимодействия. Исходя из данной онтологической модели, Т. де Виллерс-Бота и П. Сильерс утверждают, что «Я» всегда находится в сфере принятия решений относительно взаимодействия с другими акторами социального пространства, а значит – в сфере этического [Ibid. P. 37]. Этическое сознание, таким образом, понимается как пересечение множества социально-коммуникативных взаимодействий, а идентичность представляет собой контекстуально генерируемое описание аспекта этих взаимодействий, необходимое для включения актора в контекст интеракции.

Представление об условном императиве базируется на процессуально-онтологическом видении этического сознания личности и контекста социальных взаимодействий. Само по себе наименование «условный императив» представляет собой оксюморон: хотя термин «provisional» также может быть переведен как «временный», «предварительный», весь этот ряд характеристик не кажется обоснованно применимым к императиву без утраты содержания самой императивности. Кантианское понимание императивности (в осмыслении которого и формируется идея условного императива) предполагает императив в качестве правила, определяющего должностное поведение, которым выражается объективное принуждение к поступку [Кант, 2020. С. 28]. Классическая кантианская интерпретация императивности в этическом контексте (в определении категорической формы императива) уже содержит в самом себе представление об условии, на котором основан объективно-принудительный характер действия. Но Кант также выделяет и еще одну форму существования императива, а именно – гипотетический императив, который может быть обусловлен ввиду того, что определяет волю в отношении результата действия, а не саму по себе.

Однако обусловленность императива исключает его обладание характером закона, допуская только сохранение в статусе предписания [Там же. С. 29]. По данной причине нельзя заключить о правомерности рассмотрения условного императива философии сложности как теоретического следствия критики концепции категорического императива: так называемый условный императив есть совокуп-

ность положений, которые представляют собой практические предписания, но не являются универсальными нравственными законами. Данные предписания вводятся в работе Р. Прейсер и П. Сильерса в форме следующих тезисов [Preiser, Cilliers, 2010. P. 275–276]:

- 1) оправдывать свои действия только такими способами, которые не исключают возможности пересмотра этого оправдания;
- 2) принимать только такие решения о выборе, которые оставляют возможность выбора открытыми;
- 3) действие должно демонстрировать понимание фундаментальной значимости различия, даже если оно уменьшает его;
- 4) придерживаться образа действия, способствующего развитию утверждающих и ограничивающих взаимовлияний компонентов в системе.

При первом рассмотрении данных положений может возникнуть впечатление, что они выражают позицию радикального этического релятивизма, т. е. отрицания обязательного характера нравственных норм. Но обращение к авторским интерпретациям их содержания позволяет понять, что это не так. В частности, первое положение не является обоснованием амбивалентности этической позиции посредством апелляции к сложности (несмотря на то что существование такого обоснования возможно, его содержательная адекватность должна быть подвергнута сомнению), но представляет собой следствие признания ограниченности мировоззренческих моделей и готовности к их изменению, подчеркиваемой М. Верманн: «Модели радикально зависимы во времени и пространстве, потому что они являются продуктом ресурсов, имеющихся в нашем распоряжении, выбора, который мы делаем, и влияний, которые действуют на нас (включая влияние других)» [Woermann, Cilliers, 2012. P. 451]. В данном контексте, таким образом, речь идет не о произвольной замене этического обоснования собственного действия (такая позиция была бы неэтичной с точки зрения философии сложности), но о формировании этической готовности к трансформации условий действия, основанной на необходимости учета интересов и специфики других акторов.

Не является проявлением этического релятивизма и сложностное понимание принятия решения, выражением которого служит второе предписание. Его можно было бы охарактеризовать как императив экологичности действия, руководствуясь другой вариацией его формулировки, предложенной М. Верманн: «Действуя, всегда осознавайте иные способы действия» [Ibid. P. 451]. С одной стороны, данное положение кажется парадоксальным, поскольку выбор одной стратегии действия заведомо предполагает ее отграничение от иных, но сложностное понимание выбора отнюдь не основано на формировании этической индифферентности. Оно

указывает на необходимость диалогического принятия решения: выбор не должен осуществляться в ущерб взаимодействию, а способствовать его развитию.

Обращаясь к содержанию третьего предписания, следует учитывать контекстуальное значение термина «различие»: он используется для указания на необходимую, смыслопорождающую уникальность элементов системы, являющуюся основанием для возможности их автономного определения, их выделения в рассмотрении взаимовлияний [Cilliers, 2010. P. 7–8]. Требование учета фундаментальной значимости различий основано на понимании социальной реальности как сети этических взаимодействий. Принятие фундаментальной значимости различий, о котором говорит данный принцип, подразумевает отказ от унифицирующих суждений в отношении других акторов социального взаимодействия. Конечно же, полноценный отказ от унифицирующих суждений невозможен, поскольку сами этические суждения имеют характер обобщений, унификаций. Рассмотрение различия в качестве фактора, имеющего предельное значение, обуславливает диалогичность сложностной этической модели: ее существенной чертой является открытость для исследования оснований этической позиции другого.

Четвертое положение условного императива фактически представляет собой обобщение трех предшествующих: в нем необходимость экологичного, рефлексивного и ценностного отношения к тому контексту взаимодействий, в котором реализуется деятельность актора, полагается в качестве условия его адаптивности, одним из критериев оценки которой является результативность действия. Важной особенностью сложностной этики является деонтологическая интерпретация критерия результативности: несмотря на то что сложностная этика может быть охарактеризована как прагматическая, чем определяется, в том числе, и форма выражения ее основных принципов в форме практических предписаний, результат действия не оценивается ею вне контекста этичности средств его достижения. Действие, осуществление которого не соответствует условному императиву, не рассматривается этикой сложности как результативное, поскольку оно является деструктивным по отношению к системе взаимодействий, а значит, и по отношению к самому осуществляющему его актору.

Концепция условного императива возникает, как отмечалось выше, не вследствие критики кантианской этики со стороны представителей философии сложности, а в качестве результата осуществления ими практики создания метаэтики на основании онтологии сложности. По замечанию Р. Прейсер и П. Сильерса, говорить о сходстве кантианской концепции категорического императива и условного императива философии сложности можно лишь на этапе их возникновения: и в том, и в другом случае условием построения метаэтики необходимо является критический метод [Preiser, Cilliers, 2010. P. 275]. Однако вышеприведенное рассмотрение

предложенных формулировок условного императива не позволяет согласиться с утверждением о теоретической оформленности метаэтического компонента сложностной этики. Несмотря на то что условный императив в настоящий момент является теоретическим ядром этики сложности, его формулировки пока еще недостаточно абстрактны и формальны, для того чтобы стать метаэтическими положениями, подобными кантовскому категорическому императиву. Рассмотренные формулировки условного императива могут рассматриваться только как практические предписания, полученные на основании осмысления этического действия в соответствии с принципами аксиологии сложности.

Существенным препятствием для формирования метаэтической теории в системе философии сложности является невыявленность содержания термина «сложность», из чего проистекают интерпретативные разночтения и неочевидность категориального статуса. В связи с этим развитие метаэтической теории сложности может рассматриваться как одна из актуальных задач философской рефлексии сложности, решение которой станет возможным с получением необходимых онтогносеологических оснований.

Основные черты этики сложности, развиваемой в работах представителей стелленбосской школы философии сложности, могут быть обобщены следующим образом.

1. Разрабатываемые этические концепции во многом носят проективный характер, существующие положения не образуют строгой системы этического знания. В частности, отсутствие теоретически оформленных решений в сфере понимания онтоэпистемологического базиса философии сложности нередко приводит к тому, что изложение концепции сложностной этики принимает характер рефлексии сложности через призму этики, а не выведения этической концепции из фундаментальных положений философии сложности. Примеры такого изложения присутствуют в работах М. Верманн, Р. Прейсер и П. Сильерса [Woermann, Cilliers, 2012; Preiser, Cilliers, 2010].

2. Существенную роль в создании этики сложности играют концептуальные средства постмодернистской философии. Первый шаг в данном направлении был сделан П. Сильерсом [Cilliers, 1998]. Специальное исследование возможностей использования теоретического аппарата постструктурализма для формирования этики сложности осуществлено М. Верманн [Woermann, 2016]. Следует отметить, что это использование осуществляется как реинтерпретация с позиции философии сложности, а не ограничивается заимствованием, что можно характеризовать как проявление философской идентичности представителей данного направления.

3. По своему содержанию сформированные в работах представителей стелленбосской школы проекты этики сложности являются прагматически ориентиро-

ванными концепциями, обладающими специфической деонтологией, основанной на ценностном осмыслении сложной реальности. Несмотря на большое внимание представителей философии сложности к контекстуальности, временности и изменчивости форм отношений соответствующих регулятивных норм, предложенные ими модели этического мышления скорее могут характеризоваться как адаптивные, нежели как релятивные.

Хотя итогом осуществленного рассмотрения становится заключение о незавершенности этики сложности как теоретической системы, некоторые из развиваемых ею принципов могут иметь положительное значение при их применении в решении практических задач профессиональной и деловой этики. Идеалы экологичности и диалогичности этического действия могут стать теоретическими ориентирами для развития коммуникативных технологий межкультурного взаимодействия, а концепция адаптивности этического сознания может быть положена в основание концепции общей этики профессионального поведения специалиста в условиях социальной нестабильности и ценностной неопределенности. Этика сложности, таким образом, может рассматриваться как развивающееся направление современных философских исследований. В свою очередь, дальнейший путь формирования концептуальных основ философии сложности как теоретической системы определит ее роль в развитии этической мысли современности.

Список литературы / References

- Кант И.** Критика практического разума. М.: Издательство АСТ, 2020.
Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason] Moscow, Izdatelstvo AST, 2020. (in Russ.)
- Морен Э.** Метод. Природа природы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013.
Morin E. Metod. Priroda prirody [Method: The Nature of Nature]. Moscow, Kanon + ROOI "Reabilitatsiia", 2013. (in Russ.)
- Морен Э.** О сложности. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2019.
Morin E. O slozhnostnosti [On Complexity]. Moscow, 2019. (in Russ.)
- Cilliers P.** Complexity and Postmodernism: Understanding Complex Systems. London, Routledge, 1998.
- Cilliers P.** Boundaries, Hierarchies and Networks in Complexity Systems. *International Journal of Innovation Management*, 2001, vol. 5 (2), p. 135–147.
- Cilliers P.** Difference, Identity and Complexity. In: Cilliers P., Preiser R. (eds.) Complexity, Difference and Identity. An Ethical Perspective. Springer, 2010. p. 1–18.
- Preiser R., Cilliers P.** Unpacking the Ethics of Complexity: Concluding Reflections. In: Cilliers P., Preiser R. (eds.) Complexity, Difference and Identity. An Ethical Perspective. Springer, 2010, p. 265–287.

Villiers-Botha T. de, Cilliers P. The Complex “I”: The Formation of Identity in Complex Systems. In: Cilliers P., Preiser R. (eds.). Complexity, Difference and Identity. An Ethical Perspective. Springer, 2010, p. 19–38.

Woermann M. Bridging Complexity and Post-Structuralism. Insights and Implications. Springer International Publishing, 2016.

Woermann M., Cilliers P. The Ethics of Complexity and the Complexity of Ethics. *South African Journal of Philosophy*, 2012, vol. 31 (2), p. 447–463.

Материал поступил в редколлегию (Received) – 18.01.2021

Статья принята к публикации (Accepted) – 08.02.2021

Сведения об авторах / Information about the Authors

Кудашов Вячеслав Иванович

доктор философских наук, профессор
профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого (Красноярск, Россия)

Vyacheslav I. Kudashov

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Department of Philosophy, Social and Humanitarian Sciences, V. F. Voino-Yasennetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

vkudashov@mail.ru

ORCID 0000-0001-7009-8179

Думов Александр Витальевич

студент
кафедра философии, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)

Alexander V. Dumov

Student
Department of Philosophy, Humanitarian Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

avdumov@inbox.ru

ORCID 0000-0002-4644-0293